

Александр Мирер

ДОМ СКИТАЛЬЦЕВ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
М 63

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Виталия Еклериса

Мирер А.

М 63 Дом скитальцев : романы, повесть, рассказы / Александр Мирер. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 800 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29789-0

Это было братство друзей по духу — фантастическому духу свободы, появившему вдруг над страной в легендарные 60-е годы. Они собирались на квартире у Ариадны Громовой около зоопарка — Аркадий Стругацкий, душа компании, Север Гансовский, Роман Подольный, Анатолий Днепров, молодой Дмитрий Биленкин, бывал и Станислав Лем в редкие свои визиты из Польши, — и под крик зверей за окном, под бешеные струны Высоцкого («По пространству-времени мы прём на звездолете...»), частого гостя в доме, под чаёк или что покрепче говорили о фантастике, думали о фантастике, верили в нее. Умница Александр Мирер, непрменный участник сборищ, мнение которого ценили и уважали здесь, высказался афористично и точно: «Фантастика — самый честный и наблюдательный свидетель на суде истории». Потому что фантастика и реальность, особенно реальность российская, для людей этого круга были неразделимы.

В фантастике Александр Мирер прежде всего исследователь. Предмет его исследовательской работы — манипулирование человеческим сознанием. Захват и порабощение разума («Дом скитальцев»), управление мозгом извне, ведущее к крушению цивилизации («У меня девять жизней»), конфликт между естественным и навязанным («Остров Мадагаскар») ... Темы эти актуальны всегда, и уж тем более никогда не вторичны — времена хотя и меняются, но люди в них в основном такие же, что были вчера и поза-вчера.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-29789-0

© А. И. Мирер (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ДОМ СКИТАЛЬЦЕВ

КНИГА 1

ГЛАВНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Часть 1, рассказанная Алешей Соколовым. Утро

ФЕДЯ-ГИТАРИСТ

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универмага. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился — не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит с громом, с гитарой — э-эх, расступись!.. Он такой парень. Утро, вечер — ему все нипочем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универмага и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще раз пожал плечами. Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушиный манер, — гитара ему мешала.

Я опять заулыбался — наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же — забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универмага появился заведующий почтой. Федя его окликнул. Мне через стекла не было слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой свернул и пошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь. Через полминуты стеклянная дверь почты открылась, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза: что он еще выкинет? На улице стало людно — шли служащие на работу, из подъездов выскакивали ребята и мчались к школьному подъезду. До звонка оставалось всего пять минут. Степка, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой, грузный телеграфист, важный, как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универмага смотрел на часы и пытался прибавить шаг. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся — даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на невидимую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже, скотина такая! Старик же мог на смерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал — выпрямился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше прежней походкой. Хлопнула дверь почты, только солнце уже не блеснуло в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь.

Гитара осталась на ступеньках.

Я оглянулся — учителя еще не было — и прыгнул через скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул: «Ух!» — я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо

учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тamarой Евгеньевной.

Звонок заливался вовсю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универмага. Я пробежал вперед, на газон между тополями, и увидел совсем близко Федю — он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента отражал все, как выпуклое зеркало на автобусах: дома, деревья, палевый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

ТАКСИ

- Ты что? Тревога? — спросил Степка.
- С ним что-то неладно. — Я кивнул на спину гитариста.
- С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню — это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и мы, как зайцы, дунули через улицу.

Гитарист неторопливо вышагивал по длинным полосам тени, здоровался со знакомыми, встряхивал чубом. Мы шли за ним. Зачем? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно — шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты — соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями «таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот, одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордастый водитель сидел на подножке, насвистывал Федину любимую песню «На Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристовой спине, что он и такси заметил, и водителя и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично.

Он небрежно вышагивал — высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

— А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я пригнулся, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога поднималась с земли на подножку. Это гитарист садился в кабинку. «Давай», — сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перевалились в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины. И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко — там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро. На ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошептал:

— А это он что — разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. Он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари — будь здоров! — хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну каждый пятый, не меньше...

— К Нелке поехал? — сказал Степка. — Она живет в обратной стороне вовсе. — Он подумал и добавил: — Хороши шуточки! А с гитарой на завод не пускают.

— Его везде пропустят.

— Это молокозавод, — сказал Степка. — Там чистота и дисциплина. А ты — идиот.

Я все-таки рассердился:

— Ну паникер ну, шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

— Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты — лапша. Начал дело — доведи его до конца.

— Вот сам и доводи до конца, — окрысился я и полез к заднему борту, чтобы спрыгнуть, но в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость — кончился город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела, как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. Мы в два счета проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... В-з-з-з! — внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

— ...Пилотируешь, как молодой бог. Будь здоров!

— Да что там! — говорил водитель. — Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь — кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

— А поехали со мной, механик... Здесь рядом. Покажу такое — не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

— Поехать, что ли?.. Не сядем?..

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

— Пылища — жуть, — произнес Федин голос. — Топаем, механик?

Водитель не ответил.

— Э, парень, да ты чудак! — весело сказал Федя. — Сколько проехал, полста метров осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

— На «слабо» дураков ловят, — прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела — опушка елового питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сначала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы спрыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По междурядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

ЕЛОВЫЙ ПЕНЬ

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят — и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша — как бы по касательной, вбок. Я было заторопился, но Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищурив рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка — настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа виновата. На этом многие нарывались. Видят — побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар — свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я — мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосах начищенными монетами сияют ранние одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

— Ну вот, друг мой механик, — говорил Федя. — Видишь ли ты пень?

— Вижу. А чего?

— Да ничего. Замечательный пень, можешь мне поверить.

— Пе-ень? — спросил шофер. — Пень, значит... Так... Пень... — Он булькнул горлом и проревел: — Ты на него смотреть меня заманил... балабайка?

— А тише, — сказал Федя. — Тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

— «Ля ви»? — визгливо передразнил шофер. — Значит, я тебя довез. А кто твою балалайку обратно понесет? — заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги. — И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пенёк. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он — меня. Мы старались не дышать.

— Это красивая местность, — проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

— Я — Угол третий. Ты — Треугольник-тринадцать? — проговорил гитарист.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

— Он самый, — сказал шофер. — Жолнин Петр Григорьевич.

— Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник... — Они снова заулыбались. — Слушай... Ты водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен, без сомнения...

— Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

— Устанавливаю название: «посредник». План я предложу такой — отвезти «большой посредник» в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

— Риск чрезвычайный... Доложи, Угол-три. Я — как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

— Меня Федором зовут, — сказал гитарист. — Улица Восстания, пять, общежитие молокозавода. Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

— Аристархович? — Но вдруг крикнул и закончил другим голосом: — Прости меня. Эта проклятая... ну как ее... рекуперация?

— Ассимиляция, — сказал гитарист. — Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно светящего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться — хвоя налезла под рубашки или просто так, — в общем, мы боялись чесаться на открытом месте и спрятались. Рядом с машиной, за можжевельником. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

— Дьяволыщина! — сказал Степка. — Они видели нас... Ох как чешется!

— Они — нас? И при нас все говорили?

— Ну да, — сказал Степка. — Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьяволыщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

— Хорошо придумано, — сказал я. — Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин — Треугольник-тринадцать. Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Тсс!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

— Да, зря удрали, выходит, — прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло, как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

— Хорош следопыт! — фыркнул Степка. — Трясешься, как щенок.

— Ты сам удрал первый!

— Ну, врешь. Я за тобой пополз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

— Пошли, — сказал Степка. — Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться, не видя противника, — самое гиблое дело.

— Они же шпионы, — сказал я. — Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал — клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» — бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

— В город погодим. Пароли... — проворчал Степан. — Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обмениваться паролями в машине?

— Ладно, — сказал я. — Главное, чтобы не упустить.

— У него, гада, ларингофон, — сказал Степка. — Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог докладывать? Либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы — гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменялся шофер возле этого пенька... Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот Угол третий с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

— Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

— Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя — красный, пыхтящий, он тащил что-то

тяжелое на плече. За ним потянулось бревно — второй его конец тащил шофер. Он пыхтел и спотыкался. Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово — они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы, — знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь — машина скрипнула и осела. Чересчур он оказался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубаху. Гитара торчала за его спиной. Она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.

Мне показалось, что в узелке должны быть конфеты, так с полкило.

Тут же Федя проговорил:

— Конфет купить, вот что... В бумажках. — Он осторожно потряхнул узелок, шофер кивнул. — Лады, Петя. Я сяду в кузов.

— Незачем, — сказал шофер. — Садись в кабину.

— Мне бы надо быть с *ними*.

— Слушай, — сказал шофер, — эти вещи я знаю лучше, я водитель. Включу счетчик, поедem законно. Увидят, как ты вылезаешь из пустого кузова, будут подозрения. Поглядывай в заднее окно. Довезем!

— Ну хорошо. — Киселев прикоснулся к чему-то на груди, под рубахой. Наклонился, чтобы отряхнуть брюки, и на его шее мелькнула черная полоска. Что-то было подвешено у него под рубахой на тесьме от гитары...

Они полезли в кабину.

Я знал, что мы должны выскочить не раньше, чем машина тронется, потому что шоферы оглядываются налево, когда трогают. Я придержал Степку — он стряхнул мою руку. Федя в кабине спрашивал:

— Деньги у тебя найдутся внести в кассу? Я пустой.

— На-айдутся, какие тут деньги... Километров тридцать — трешник... Зачем они теперь, эти деньги?!

Они вдруг засмеялись. Заржали так, что машину качнуло. Взревел двигатель, и прямо с места машина тронулась задом, с поворотом, наезжая на наш можжевельник. Мы раскатились в стороны.

Голубой кузов просунулся в кусты — р-р-р-р! — машина рванулась вперед, и Степка прыгнул, как блоха, и уцепился за задний борт. Я чуть отстал, и этого хватило, чтобы Степка оттолкнул меня ногами, сшиб на землю и перевалился в кузов. И вот они укатили, а я остался.

ПУСТОЕ МЕСТО

Я не ушибся, мне просто стало скверно. Минуты две я валялся, где упал, а потом увидел перед своим носом Степкину авторучку, подобрал ее и поднялся. Пыль на дороге почти осела, только вдалеке еще клубилась над деревьями. Я постоял посмотрел. Закуковала кукушка — близко, с надрывом: «Ку-ук! Ку-ук!...»

Она громко прокричала двадцать два или двадцать три раза, смолкла, и тогда я побежал на еловую поляну. Мне надо было мчаться в город, и поднимать тревогу, и выручать Степку от этих людей — все я знал и понимал. Меня, как собаку поводком, волокло на полянку, я должен был посмотреть — тот пень или не тот. И я вылетел на это место и едва не заорал: пень исчез.

И если бы только исчез!

Он совершенно следа не оставил, земля кругом не была разрыта, никакой ямы, лишь в дерне несколько неглубоких вдавлен.

Значит, Федя не соврал, что вчера этого пня не было. Его приволокли откуда-то. Судя по траве, недавно — ночью или утром. Трава под ним не успела завянуть. А вот следы шофера и Феди. Даже на поляне, где земля хорошо просохла, они пропечатались, а в сырых аллеях были очень глубокими.

Пень весил центнер, не меньше.

Вот уж действительно дьявольщина, подумал я. То притаскивают этот несчастный пень, то увозят... И больно он тяжел для елового пня.

Федя сказал так: «Взять в машину „большой посредник“ и отвезти в город».

«Большой посредник»... Посредники бывают на военных играх, они вроде судей на футболе и хоккее — бегают вместе с игроками.

Да, но люди, не пни же... Ставят, увозят...

Совсем запутавшись, я начал искать следы тех, кто принес «посредник» сюда. Не мог он прилететь по воздуху и не мог потяжелеть, стоя здесь, правда? Так вот, никаких следов я не обнаружил, хотя излазил все аллеи до одной. Минут пятнадцать лазил, свои следы начал принимать за чужие, и так мне сделалось страшно, не могу передать. Когда рядом со мной взлетела птица, я начисто перепугался и без оглядки помчался на большую дорогу.

АВТОБУС

Я выбежал на шоссе, на свежий полевой ветер. Он разом высушил спину, мокрую от испуга и беготни, и я удивился, до чего хорош наступающий день. Солнце было яркое, а не туманное, как в предыдущие утра. Синицы орали так звонко и густо, будто над лесопарком висела сеть из стеклянных иголок. Несмотря на ранний час, асфальт уже подавался под каблуком, и хотелось искупаться. Я представил себе, что сбрасываю тяжелые брюки и лезу в воду. Купание!.. О нем и думать не стоило. Надо было мчаться к Суру, поднимать тревогу.

Флажок автобусной остановки желтел слева от меня, высоко на подъеме. Пробежав к нему, я сообразил, что надо было бежать в обратную сторону, не навстречу автобусу, а от него, и не в гору, а вниз. Но возвращаться уже не стоило, и, если некогда купаться, я хоть мог поглядеть с холма на пруды.

И правда, от остановки открывалась панорама: прямо по шоссе — дома и водокачка Синего Камня, левее — лес и пруды с песчаными берегами, потом лесопарк и, наконец, весь наш городок как на блюдечке. Три продольные улицы и пять поперечных, завод тракторного электрооборудования, элеватор, молокозавод — вот и все. Мне, как всегда, стало обидно. Люди живут в настоящих городах, с настоящими заводами, а наш — одно название что город. Это электрооборудование делают в четырех кирпичных сараях. Правда, молокозавод новый, хороший.

Я стал поворачиваться дальше, налево, обводя взглядом круг. По той стороне шоссе тянулись поля и пруды совхоза, перелески и дальше гряда холмов, уходившая за горизонт. Их я нарочно приберег напоследок, потому что на ближнем холме стоял радиотелескоп. Он был отлично виден — плоская чаша антенны на сквозной раскоряченной подставке. Антенна тоже сквозная, она только казалась сплошной и маленькой, с чайную чашку. На самом деле она была почти сто метров в диаметре, нам говорили на экскурсии. Под телескопом белели три коробочки: два служебных корпуса и один жилой, для научных сотрудников. Забор казался белой ниточкой, огибающей холм. Здорово! Очень хотелось увидеть, как телескоп поворачивается, но чаша неподвижно смотрела в небо, и ее огромная тень неподвижно лежала на склоне. Я загляделся, а тем временем приблизился автобус. Маленький, синий, с надписью: «Служебный». Не стоило и руку поднимать, этот автобусик был с радиотелескопа.

И вдруг он остановился. Дверцу даже открыли и крикнули: «Садись, мальчик!»

Я не стал бы рассказывать так дотошно про автобус и дорогу в город, если бы не Вячеслав Борисович. Он ехал в этом автобусе, он меня и посадил: водителю и Ленке Медведевой это бы и в голову не пришло. О нем я знал, что он научный сотрудник с радиотелескопа. Довольно молодой, светловолосый, в сером костюме. Приезжий. Их там было человек десять приезжих, остальные местные, как Ленка Медведева — радиотехник.

Вячеслав Борисович вел себя не по-начальнически. Он смеялся все время, подшучивал надо мной: почему я такой красный и взъерошенный и что я делал в лесопарке в учебное время? Я как-то растерялся и грубо спросил:

— А вы зачем в рабочее время катаетесь?

Он захохотал, хлопнул себя по ноге и воскликнул:

— Вопрос ребром, а? А знаешь ли ты, что такое нетерпение сердца?

Я покачал головой.

— На почту пришел пакет, — сказал он нежно. — Голубенький. Ты можешь не улыбаться. Настала моя очередь. И нетерпение сердца велит мне получить голубое письмо немедленно. В самое рабочее время. — Он потер ладони и притворно нахму-

рился. — Но оставим это. Хороши ли твои успехи в королевстве наук — математике?

Я сказал:

— Не особенно.

Вячеслав Борисович мне страшно понравился, и мы очень весело доехали. Даже Ленка вела себя как человек. Понимаете, эти девчонки, едва наденут капроновые чулки, начинают на людей смотреть... Ну, как бы вам сказать? У них на лицах написано: «Нет, ты не прекрасный принц и никогда им не будешь». Но веселый нрав Вячеслава Борисовича действовал на Ленку Медведеву положительно. Она улыбалась всю дорогу и сказала на прощание: «Будь здоров, привет Симочке». Симка — это моя сестра, старшая.

Меня высадили на углу улицы Героев Революции, наискосок от тира, и я перебежал улицу, спустился в подвал и дернул дверь оружейной кладовой. Она была заперта. Все еще надеясь, что Степка в зале вместе с Суреном Давидовичем, я метнулся туда.

В стрелковом зале было темно, лишь вдалеке сияли мишени. Резко, сухо щелкали мелкокалиберные винтовки — трое ребят из техникума стреляли, Сурен Давидович сидел у корректировочной трубы, а Степки не было.

ТРЕВОГА!

Когда я пригляделся в темноте, обнаружился еще Валерка — он махал мне со стопки матов. Сурен Давидович проговорил, не отрываясь от трубы:

— Зачем пришел?.. Хорошо, Верстович! — Это уже стрелку.

Мы могли ввалиться к Суру хоть среди ночи с любым делом или просто так. Только не во время работы. Сур — замечательный тренер и сам стреляет лучше всех. Проклятая астма! Сур был бы чемпионом Союза, если б не астма, я в этом убежден.

— Восьмерка на «четыре часа», — сказал Сур. — Дышите, Ильин, правильно.

Я спросил у Верки:

— Давно стреляют?

— Только начали, — прошептал Верка. — А Степка где?

— Помолчите, гвардейцы, — сказал Сурен Давидович. — Хорошо, Ильин! Бейте серию с минимальными интервалами!

Я сам видел, что тренировка началась недавно — мишени чистые. Значит, Сур освободится через час. Раньше не отстреляются.

— Не узнаю вас, Оглоблин. Внимательней, мушку заваливаете!

Невозможно было целый час ждать. Я подобрался к Суру и прошептал:

— Сурен Давидович, тревога, Степа в опасности...

Он внимательно покосился, кашлянул, встал:

— Стрелки, продолжайте серию! Валерий, корректируй...

Верка, счастливый, кинулся к трубе, а мы вышли в коридор. Мне казалось, что Сурен Давидович очень рассержен, и я стал торопливо, путаясь, рассказывать:

— Степка уехал на новом такси из лесопарка, а в такси сидели шпионы...

— Какие шпионы? — спросил он. — Откуда шпионы?

Я вернулся к началу — как шел и увидел Федю-гитариста. Сур слушал вполуха, поглядывая на дверь, глаза так и светились в темном коридоре. Я заспешил. Скоренько рассказал, как шофер свалился у пня. Сурен Давидович повернулся ко мне:

— Что-о? Тоже схватился за сердце?

— И еще упал. Это не все, Сурен Давидович!

— Подумай только, не все... — пробормотал он. — Рассказывай, Лешик, рассказывай.

Я рассказывал, и мне становилось все страшней. В лесопарке я на четверть — да что, на десятую так не боялся. Там мы были вместе. А где сейчас Степка? Я боялся, здорово боялся.

Когда я закончил, Сур проворчал:

— Непонятная история... Лично мне Киселев был симпатичен.

— Федя? Еще бы! — сказал я. — А теперь видите, что получается!

— Пока вижу мало. Пень был очень тяжелый, говоришь? — Он покосился на дверь, откуда слышались выстрелы, и тогда я понял...

— Оружие в нем, а в платке патроны! — завопил я. — Сурен Давидович! А на шее автомат, на гитарном шнуре!

— Лешик, не торопись. Оружие? — Он вел меня за плечо к кладовой. — Шпионам незачем прятать оружие. Я даже думаю,

АЛЕКСАНДР МИРЕР
ДОМ СКИТАЛЬЦЕВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.06.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-38923-01-R